

Дискуссионный клуб

Таланты и их профессора: чему и как учить?

Л. М. Григорьев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)*

Дискуссия по проблемам экономического образования в журнале «Вопросы экономики» затронула ряд важных аспектов. В мировой экономике происходят серьезные изменения, что обуславливает необходимость проверять стилизованные факты и действенность старых теорем. Из-за обострившихся национальных проблем все чаще возникает потребность в промышленной политике, а для решения глобальных проблем необходимо концентрировать ресурсы и координировать их использование. Участники дискуссии анализируют текущее состояние экономического образования и предлагают конкурирующие программы его усовершенствования. Здесь важны различия между администраторами и исследователями при использовании ограниченных ресурсов и определении критериев успеха научной и преподавательской деятельности.

Ключевые слова: стилизованные факты, экономическое образование, неоклассика, НИЭТ, гетеродоксия, искусственный интеллект.

JEL: A14, B25, D63, F02, I2.

[Н]е существует решений, которые были бы всем известны, широко применимы и достаточно надежны.

М. Спенс (2013. С. 142–143).

Введение

Развернувшаяся дискуссия с участием шести профессоров МГУ в трех номерах журнала «Вопросы экономики» (см.: Аузан и др., 2023; Бугалин, Колганов, 2023; Шаститко, 2024) о содержании учебных программ по экономике показала масштаб возможных различий при решении существующих проблем. Но, по нашему мнению, это скорее

Григорьев Леонид Маркович (lgrigor1@yandex.ru), к. э. н., ординарный проф., научный руководитель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

начало пересмотра многих положений науки, целей экономической политики, методов преподавания, использования новейших возможностей диджитализации и искусственного интеллекта (ИИ). В нашей работе мы затронем несколько проблем, поставленных в ходе дискуссии, и добавим ряд своих вопросов.

Прежде чем обсуждать, какая обучающая программа лучше решает современные проблемы, следует прийти к согласию по двум пунктам. Первый — что мы одинаково понимаем, какие именно проблемы надо решать; второй — что достигнутый уровень науки, особенно мейнстрима, действительно представляет собой комплекс фундаментального знания и теорем, способный эти проблемы решать. У нас есть серьезные сомнения по обоим пунктам. Общественные науки имеют дело с процессами, в них люди постоянно принимают решения и часто изменяют модели своего поведения. Правда, это может быть следствием специфики объясняющих конструкторов, а не собственно объективированной модели поведения. Но от этого не становится легче, поскольку решения приходится принимать на основе доступной информации, в частности той, в которую верят сами действующие лица. В отличие от большинства других наук, факты, стилизованные факты и теоремы в экономике (и, видимо, в общественных науках) могут меняться, особенно в наше турбулентное время.

В предыдущих статьях в рамках дискуссии были подняты серьезные проблемы образовательных программ. Но необходимо рассмотреть и проблемы, сильно влияющие на образовательный процесс, условия работы профессуры, развитие талантов студентов. Прежде всего это бюрократизация, огромная административная нагрузка по мониторингу и контролю процессов обучения, отнимающая время и ресурсы у исследователей и преподавателей. Устройство теории и структуры научного мира мы понимаем по Р. Мертону (Мертон, 2006). Он проделал важную работу по различению функций в науке между исследователями (кто создает новое), педагогами, администраторами и теми, кто применяет теоремы на практике. Не пересказывая его труды, отметим важность такой опоры, как «организованный скептицизм», к которому можно отнести данную дискуссию.

В последнее время стали возникать проблемы, связанные с диджитализацией и искусственным интеллектом. Главная из них — или ИИ помогает исследователям и преподавателям решать задачи развития студентов, или он станет еще одним средством контроля и бюрократизации учебного процесса. В любом случае огромные возможности больших данных, методов обработки статистики могут помочь исследователям решать задачи, а преподавателям (и студентам) найти приложения теории, особенно хорошей.

Перемены в мировой экономике, меняющиеся стилизованные факты и стареющие теоремы

Представители многих естественных наук признают, что в их области есть нерешенные проблемы, неоткрытые «частицы» и т. п.

В экономике легко признают нарастающие сложности и наличие трудно решаемых задач. Но педагогическая традиция, как и экономическая наука, уклоняется от доведения этих соображений до логического конца: блестящие фундаментальные положения, тонкие теоремы не означают, что ученые все знают. Признание несовершенства науки открывает возможность и для исследователей, и для преподавателей поставить крупные проблемы. Начинать надо не столько с общих сомнений (организованный скептицизм по Мертону), сколько с фактов и стилизованных фактов. Критическая развилка такова: если сейчас стилизованные факты отличаются от тех, что находились в основе теорем, или последние давно (!) не дают ожидаемых результатов, на которые указывают учебники (и на которые рассчитывают политики), то пора проводить конференцию на данную тему и сообщить об этом студентам, дав стимул к их творчеству.

Мир сегодня одновременно быстро меняется и становится все более неравномерным: миграция «лечит» демографию, искусственный интеллект угрожает «вылечить» технологический разрыв, богатые хотят стабильности, бедные слишком много знают о богатых и т. д. При этом представители академического сообщества спокойно получают награды за решение частных проблем после провалов в решении фундаментальных или предыдущих ошибок в экономической политике.

Естественно, возникает вопрос о микрооснованиях науки. Заметим, что кривые Энгельхарта отражают де-факто поведение различных типов потребителей в зависимости от дохода. Наши дополнительные вопросы следующие. Во-первых, имеют ли возможность миллионы людей, находящихся в состоянии абсолютной бедности, делать рациональный выбор, особенно в случае их субсидирования по формальным правилам? Во-вторых, каковы эффекты переноса спроса на услуги (отложенного потребления) во время пандемии COVID-19, как меняется характер инвестирования «вынужденных» (при ковидных запретах на услуги) сбережений? В-третьих, как сказывается на поведении потребителей распространение концепции «безусловного базового дохода»? Наконец, в-четвертых, чем отличаются действительно состоятельные люди? По мере роста душевых доходов «золотого миллиарда» (реальных потребителей) какие эффекты в их поведении выходят на первый план — финансовые или моральные?

Мы ранее опубликовали доклад, в котором рассмотрены области экономической науки, требующие особого внимания (Григорьев, 2023). Далее кратко остановимся на нескольких проблемах, исходя из очевидного соображения: признание быстрых изменений в экономике побуждает исследователя искать перемены в стилизованных фактах, а затем — адаптировать теоремы.

У. Истерли критически проанализировал проблему экономического роста в мире, используя свой опыт сотрудника Всемирного банка (Easterly, 2001). Это был едва ли не первый сигнал для профессионального сообщества, который вызвал поток исследований о том, почему не удается достичь роста, в частности, с помощью Бреттон-Вудских институтов. Надежда на идею конвергенции по Р. Солоу (Solow, 1956) в ходе экономического роста сохраняется в учебниках. На ней бази-

руются ожидания успеха в рамках 10-й Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН 2015 г. С тех пор было опубликовано немало работ, посвященных проблемам неравенства, как до, так и после фундаментального труда Т. Пикетти (Piketty, 2014; список литературы см. в: Григорьев, Павлюшина, 2022a). Но мировая наука не столько занята изучением того, почему конвергенции нет в реальности или она едва заметна (за почти 70 лет), сколько продолжает искать пусть слабую тенденцию к ней.

Экономический рост Китая остается в центре внимания специалистов, но теория развития КНР не попадает в мейнстрим, видимо, из-за слишком большой роли централизованного планирования в стране. Логика успеха в новой институциональной экономической теории (НИЭТ) в широком смысле во многом опирается на открытое общество. Некий гибридный механизм развития Китая — открытость коммерции плюс план — привел к росту ВВП на душу населения в стране (по ППС 2017 г.) с 1,7 тыс. долл. в 1992 г. до 18 тыс. в 2022 г. Ученому миру здесь, видимо, пора определиться. Выбор невелик: либо Китай — это уникальный случай вне мейнстрима (а заодно и нового институционализма, как бы он себя ни позиционировал), но тогда громадная страна со всеми своими достижениями оказывается «вне теории». Либо можно «принять» этот специфический случай в мейнстрим. Конечно, экономисты не отрицают возможность планирования, но в значительной мере умалчивают о трех десятилетиях очень высокой нормы накопления в процессе индустриализации Китая при активной роли в целом успешного централизованного планирования. Но тогда придется признать приемлемость этого института для НИЭТ (Григорьев, Жаронкина, 2024). Интересно, что сам Истерли недавно выступил в защиту неоллиберализма, приведя лишь один график с высокой открытостью китайской экономики на протяжении реформ и как бы надеясь поместить этот сложный случай в рамки простых правил (Easterley, 2023).

Аналогичная история с «зонтиком Саймона Кузнецца» (Kuznets, 1955), который предполагал снижение социального неравенства в странах после достижения некоего пика по мере экономического роста. Мы же полагаем, что наблюдается скорее стагнация на высоком уровне (до уплаты налогов особенно), что является вполне нормальным (Григорьев, Павлюшина, 2022b). Заметим также, что в этой знаменитой статье будущий нобелевский лауреат опирался в своих рассуждениях на одну скромную табличку (США, Великобритания, Индия и Шри-Ланка), так что современных тестов по эконометрике она бы не прошла. Изобретенный позднее «экозонтик» Кузнецца имеет одно неудобство: для стран — чистых экспортеров энергоресурсов он выглядит как «U», что было продемонстрировано на 85 странах и периоде 30 лет (Makarov, Alataş, 2024). Проблема тут не столько в борьбе с бедностью, сколько в отношении научного сообщества к относительному социальному неравенству. Признание того, что его невозможно снизить «естественным порядком», могло бы подчеркнуть необходимость коллективных действий и специальных исследований в этой области.

Взаимодействие монетарной политики и финансового бизнеса остается источником шоков: понижение ставки ФРС в ходе подъема начала 2000-х годов, банкротство банка Lehman Brothers в сентябре

2008 г. Последствия обоих событий не просчитали, а они привели к мировому финансовому кризису. Распространение гибридных жилищных закладных также подорвало устойчивость финансовой системы, хотя об их опасности предупреждали Р. Шиллер и Н. Рубини. Накачка экономик ликвидностью в 2020 г. казалась хорошей спасительной идеей. Большого спада производства удалось избежать: это был единственный кризис без биржевого обвала, резкого роста числа банкротств и т. п. Отметим, что предупреждения о вероятном скачке инфляции не были приняты во внимание, и контрмеры не были реализованы заранее в силу как политических ограничений, так и отсутствия опыта и нужных подходов. В результате мы прошли путь от шока к стрессу через сложную борьбу с очередной проблемой. В данном случае это высокая базовая инфляция, рост удельных трудовых издержек (Unit Labor Cost) и высокие ставки процента (Григорьев и др., 2024).

Практика показала, что с 2015 г. прогресс в контексте ЦУР был весьма ограниченным, кроме того, произошел перекокс в сторону климата и энергетики. Исходная идея ЦУР была связана с обеспечением комплексного развития, а практически они преследуют цель — как можно видеть по результатам климатической конференции GOP-28 в Дубае в конце 2023 г. — компенсировать «потери» 2021–2024 гг. Здравый смысл подсказывает необходимость координации и компромиссов в этой области, но в условиях фрагментации мира и разрушенного глобального управления скорее будут эффективны простые решения. В университетах студентам рассказывают о пользе возобновляемых источников энергии (ВИЭ), о повышении эффективности энергетики и об отходе от использования традиционного топлива. Но важно осмыслить новую ситуацию в мире и модернизировать ЦУР — тут есть что обсудить со студентами на семинарах (Bobylev, Grigoryev, 2020).

Глобальных проблем человечества много: они касаются энергетики и климата, технологического разрыва, ловушек бедности и среднего дохода, здравоохранения и др. Например, можно говорить о «ловушке богатства» развитых стран. Уровень ВВП на душу населения от 50 тыс. долл. (по ППС 2017 г.) должен бы давать странам и элитам ощущение успеха и покоя. Вместо этого мы наблюдаем расколотые электоральные пространства во многих ведущих странах, рост внутреннего социального неравенства, долгов и дефицитов в государственных финансах. Идет острый спор о приоритетах в решении внутренних социальных (мигранты и культурные коды) проблем, инфраструктурных вопросов. Помощь бедным в менее развитых странах конкурирует с поддержкой своих небогатых слоев, включая фермеров. Возможно, к началу XXI в. развитые страны переоценили свои ресурсы, глубину понимания собственных и глобальных проблем и способность быстро решить их в рамках своих представлений о правильном мироустройстве.

Независимо от того, какой метод, теория или подход применяются в науке, единым требованием должны оставаться исследование реальных процессов и постоянная проверка стилизованных фактов и действенности теорем, на них построенных. Чтобы подтвердить работоспособность теории и экономической политики, нужно сопоставлять события и факторы, которые должны оказывать на них влияние, с результатами. Речь идет

в целом о мейнстриме, который мы понимаем так же, как В. С. Автономов (2024): неоклассика, экономический анализ права, поведенческая экономика, некоторый возврат кейнсианства. Внутри или рядом находится быстро развивающаяся и многоплановая новая институциональная экономическая теория. Разумеется, по многим отдельным направлениям идет модернизация экономической теории. Гетеродоксальная теория активно критикует мейнстрим, но, похоже, не претендует на вхождение в него и решение современных прикладных задач.

Экономическая наука имеет свои достижения и, пожалуй, могла бы быть менее «стеснительной». Как и другие науки, она может сама очертить круг проблем, особенно в теориях среднего уровня (Мертон, 2006), которые на данном этапе развития науки не решены или появляются сомнения в надежности их теорем. Странно делать вид, что с теорией все в порядке, когда многие привычные теоремы могут не выдержать проверку на прочность — здесь требуется соревнование исследовательских программ разного уровня. Это нормально для науки в целом — социально-экономические науки не все вопросы исследовали, и многое в развитии быстро меняющегося человеческого общества нам непонятно или меняется на глазах.

Рефлексии на предыдущие статьи данной дискуссии: как видят проблемы образования профессора МГУ

«Деканат» (Аузан, Курдин, Мальцев)

Мы, естественно, согласны с позицией «Деканата» экономического факультета МГУ, который указывает на проблемы с действенностью современной науки и необходимостью выяснить, кто и как преподает экономическую теорию в XXI в. Три блока программ, рекомендуемых «Деканатом» (Аузан и др., 2023), — мейнстрим в базе, сравнительный анализ теорий и углубленное изучение экономики России — выглядят естественно. Второй блок может включать широкий набор теорий, выработанных человечеством. Баланс между блоками в учебном процессе зависит от характера образовательной программы — готовим теоретиков и преподавателей или специалистов по решению конкретных задач. Мировая экономика едина, но с большими отличиями Китая, США, Бразилии, России и т. д. Общие характеристики и особенности — предмет анализа и обсуждения, критерием служит решение проблем экономического роста и благосостояния на период, скажем, 10–20 лет.

В числе пяти характеристик «правильного экономиста», сформулированных авторами, выделим три очень важные: «Экономисты должны быть готовы к формированию новой повестки общественного развития... Экономисты должны выносить свои рекомендации, руководствуясь гуманистическими принципами... Экономисты должны уважать глобальное разнообразие обществ и институтов» (Аузан и др., 2023. С. 18). Эти три идеи можно распространить на все социально-экономические направления научной мысли и деятельности университетов. Но чтобы добиться таких целей, помимо сильных студентов,

требуется выдающийся профессорско-преподавательский состав. Это достойная программа для университета.

Однако конкретика может быть различной. Отметим только три момента. Во-первых, курс по экономической истории России с ее трудными развилками и нередкими срывами в развитии нужно готовить системно и самим преподавателям, не пытаясь использовать какой-то набор статей и мнений наблюдателей. А в наше время это очень непросто...

Во-вторых, национальное хозяйство такой сложной страны, как Россия, не может представлять собой просто перечень экономических и географических особенностей. Оно предполагает единство с мировой экономикой с учетом своих характеристик.

Наконец, в-третьих, напомним, что пока НИЭТ не решается на критический анализ событий 1990-х годов в России по старому принципу: «Ходить бывает склизко по камушкам иным, затем о том, что близко, мы лучше умолчим».

Далее, полагаем, что сам подход авторов к выявлению фактического распространения школ среди экономистов требует некоторой структуризации. Мы подозреваем (!), что макроэкономисты в минфинах, центральных банках и многих важных подразделениях инвестиционных и коммерческих банков получили образование преимущественно в рамках неоклассических макрофинансовых программ. Это позволяет им говорить на одном языке теорем «без перевода», развивать знакомые дискурсы, взаимодействовать с Бреттон-Вудскими организациями (и в них, вероятно, работают неоклассики). В каком-то смысле это сводит к минимуму шансы на конкуренцию направлений. Число выпускников, «закодированных» на Ф. фон Хайека, против потенциальных сторонников Дж. М. Кейнса, похоже, отличается на порядки. Доминируют и теоретики либеральной мировой торговли.

Перейдем от минфинов к минэкономам и социальным ведомствам. Вопросы о теориях роста, догоняющем развитии, ловушках среднего дохода, увязке с ними вопросов климатического развития — это область компромиссов, веры в рынок, активной экономической политики. Думается, что тут неоклассика доминирует в образовании не так сильно. Отметим сторонников промышленной политики, которая явочным порядком возрождается в мире (и не только в Китае) под различными названиями: стимулирования прогрессивных структурных сдвигов, заботы о сохранении климата и обеспечения энергоперехода. Неоклассики выглядят несколько упрощенно ввиду институциональным сложностям, а сами вынуждены ссылаться на плохие правительства, политику и проч. Подчеркнем роль Р. Коуза и Д. Норта, их коллег и последователей. Напомним, сколько проблем вызвала неправильная трактовка идеи Коуза о возможности перераспределения собственности — это выполняется только при низких (!) транзакционных издержках. Де-факто работы в рамках НИЭТ охватывают традиционное поле левых, хотя и без исходной антикапиталистической установки.

Неоклассикам непросто бороться с социальным неравенством: дело в том, что позитивные сдвиги незначительны даже в развитых странах, но где-то удается решать проблемы абсолютной бедности, расходуя большие средства, пока разрывы в величине доходов увеличиваются.

Мировая картина в этой области несколько улучшилась: абсолютная бедность отстает с 2000 г., в основном в Китае и Индии. Любопытно, конечно, узнать, какое образование у специалистов в сфере решения социальных проблем. Но тут, скорее, можно ждать компромиссов, эклектики и приспособления под реалии.

Прогресс в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) огромный, быстро растут объемы статистических баз данных. Эмпиризм (и большие данные) является, полагаем, последним прибежищем ошибок в теории и явных провалов в предсказаниях: «Почему нам плохо во время предвыборных кампаний?». Либерализм исторически связан с демократией, но помогает он, когда это требуется избирателям: в предсказании, предотвращении и лечении кризисов. Учтем давление политиков, СМИ, скептицизм народных представителей, которые хотели бы получить ответ на простой вопрос: «Если вы все такие умные, то почему нам плохо, регулярно плохо и неожиданно плохо?». Но мировой экономический рост продолжается, и появляется «большая числовая» иллюзия: собрать побольше данных и все подсчитать.

Сложность ситуации в том, что огромный поток информации, рост образования ведут к усложнению поведения людей в социальных и политических вопросах. Еще неизвестно, что усложняется быстрее — программы или люди. Многие математики и статистики, а также ИКТ-специалисты плюс адепты ИИ, похоже, готовы взять на себя ответственность за социальные решения, в основе которых очень много чисел, но не факт, что достаточно глубины.

Запрос СМИ и политиков, на которых давят кризисы, остается прежним: предложить решения простые и быстрые, понятные и недорогие. Так что эмпиризм — это естественная реакция ученых на рост разнообразия в жизни. Но он не отменяет теории, а требует лучшей организации переработки огромного потока информации в применимые результаты (особенно с точки зрения отдаленных последствий). Стилизованные факты надо проверять, обсуждать и формировать работоспособные теории. Возможно, придется отказаться от некоторых вечных теорем и перейти к теориям более узкого временного горизонта или для стран определенного уровня развития либо типа экономики.

Пора сказать студентам правду: именно наука более или менее твердо знает, что стало зыбким, а что удалось уточнить с помощью эконометрики и больших данных как важного метода анализа, но не панацеи от всех болезней. Дефицит познаний студентов очевиден, но путь науки удлиняется, требуется много времени на обучение, прежде чем приступить к прикладному анализу актуальных проблем современной экономической жизни. Студенты, публика, политики могут продолжать верить в то, что когда-то считалось правильным, не имея четких критериев, методов и процедуры проверки сомнений, их обсуждения. Это и есть проблема университетов.

Левая песня

Во второй статье о преподавании экономических наук профессора А. В. Бузгалин и А. И. Колганов (2023) возвращают нас к дискуссии

о самых общих проблемах мироздания¹. Представляется, что на это есть три причины.

Во-первых, как отмечено выше, в ходе развития мировой экономики и науки действительно не удалось решить многие принципиально важные проблемы, особенно это касается межстранового и социального неравенства, стабильности климата, устойчивости институтов. Но человечество смогло решить многие другие проблемы: технологического развития, обеспечения комфорта для одного («золотого») миллиарда жителей Земли, сокращения абсолютной бедности в большинстве стран, а также много частных проблем. Критика состояния мировой экономики не означает близость «конца света» или гибели системы, для которой характерна наиболее высокая производительность труда. Мировой ВВП на душу населения (по ППС 2017 г.) с 1992 по 2019 г. вырос на 45% (и это без Китая — там рост в 10 раз). Кризисы — мало-приятный элемент развития, но их пока не удастся избежать.

Во-вторых, для конструктивного вклада теории в развитие мира недостаточно обозначить беды — это гетеродоксальные теории умеют делать. Нужно показать механизмы решения сложных взаимосвязанных задач по всему кругу ключевых проблем. Дисбалансы можно мерить и пытаться уменьшить, а противоречия обычно только углубляются.

Марксизм сыграл важную роль в истории экономической мысли, особенно в нашей стране. В рассматриваемой статье частная собственность не упоминается. Так что граница с «социальным углом» западного мейнстрима не проведена. Конечно, студенты должны понимать масштаб дискуссии о направлениях развития мира. В частности, 10 и 17 ЦУР ООН, по нашему мнению, хотя и далеки от совершенства, но служат хоть каким-то общим знаменателем. Нужно развивать НИЭТ и экономическую теорию как способ навести мосты между институтами и неоклассикой. Они могли бы заполнить имеющийся вакуум и выйти на эволюционный путь решения глобальных проблем и проблем развития отдельных стран. Как отметил проф. Автономов, «похоже, что большие теории более прижились в экономической истории, чем в экономической теории. Так, теория, выдвинутая Нортон и основанная на индивидуальной максимизации индивидуальными субъектами своей целевой функции, кажется, смогла представить современную альтернативу Марксовой концепции исторического материализма, которая отличалась от нее выбором объекта исследования и методологическим коллективизмом вместо методологического индивидуализма» (Автономов, 2024. С. 102).

Российская экономика еще не решила многие проблемы переходного периода при движении к развитому рыночному хозяйству. Цели и методы развития могут лежать в очень широком диапазоне. Так, свой путь нашли в Китае (Григорьев, Жаронкина, 2024). Бразилия и Индия ищут свои пути. Евросоюз верит, что знает, куда идет, несмотря на сомнения окружающих (и многих внутри). Обсуждение мировых проб-

¹ С глубоким сожалением выражаю сочувствие всем близким и коллегам Александра Владимировича Бугалина, который покинул нас буквально с выходом этой статьи — мы были хорошо знакомы больше 50 лет.

лем не изменит объективной институциональной и ресурсной базы, но поможет взаимопониманию хотя бы ученых, если не политиков.

Рассматриваемая статья оставляет ощущение альтруистического призыва ко всеобщей «благотворительности». Но экономическая наука должна прежде всего решать актуальные задачи: жесткие бюджетные ограничения нельзя отменить, как и земное тяготение, выбор приоритетов инвестирования остается критически важным, помощь бедным упирается в выбор между своими и чужими. Можно не любить основания микроэкономики, но они позволяют решать многие задачи, пока не будет предложена альтернатива экономическому поведению «хорошего человека».

В-третьих, авторы этой статьи, как указывает А. Е. Шаститко (2024), рассматривают ситуацию в экономической науке как смену парадигм по Т. Куну. Для такого радикализма недостаточно оснований, к тому же пролетариат в развитых странах обуржуазился и т. п. Но главное для этой дискуссии — смена парадигмы не осуществляется с помощью одного курса в бакалавриате — нужен серьезный подход к реальным проблемам жизни.

Если бы гетеродоксальный подход рассматривал себя как конкурирующую исследовательскую программу (по Лакатосу), то понадобились бы курсы не только в бакалавриате, но и посвященные решению глобальных задач. Например, важен анализ реалистичности ЦУР ООН, совместимости их механизмов и скоростей. Возможен, например, разбор трилеммы Д. Родрика (2014) — конфликта между демократией, глобализацией и суверенитетом национального государства. Наконец, в статье Шаститко (2020) рассматриваются сущностные проблемы государства и общества. Но левые мыслители обращают мало внимания на конкретные прикладные вопросы.

Дискуссия как двигатель прогресса науки

Проф. Шаститко (2024) предлагает два рычага, чтобы перевернуть научный земной шар. Первый — НИЭТ как наименее партизанский подход к исследованиям реальных процессов, не требующий предварительных клятв в верности той или иной идее и способный к аккомодации нового. Эта теория де-факто пытается охватить область развития, которую исторически занимали левые, но избегает политологии. Но она высокорискованная и сопряжена с серьезными системными проблемами внутридисциплинарного дискурса, что наглядно показано на примере сопоставления функционализма (коузианства) и двух форм фундаментализма — либерального (рыночного) и регуляторного (пигувианства) (Шаститко, Павлова, 2022; Павлова, Шаститко, 2024).

Второй рычаг — постоянная содержательная дискуссия между представителями разных направлений и школ внутри самих направлений. Исторически это и есть важнейший способ развития любой науки, пренебрежение им резко снижает эффективность разрозненных исследований.

«В классификации форм взаимодействия такое сосуществование может приобретать разные формы: (а) взаимное игнорирование,

(б) односторонняя критика, (в) конфликт, (г) критическое и вместе с тем позитивное взаимодействие (но без синтеза)» (Шаститко, 2024. С. 4). На наш взгляд, самое вредное — первое. Представляется, что ограниченность дискуссий, взаимное игнорирование отражают скудность ресурсов науки в целом и многих индивидов, то есть опасения материальных потерь в ходе дискуссии за счет появления сомнений у доноров в полной надежности теорий исполнителей своих проектов, своего университета, своего института. Еще хуже, что спешка или необходимость быстро сдать (защитить в том или ином смысле) работу может толкать к самоизоляции вместо конструктивного обсуждения. Наиболее перспективна в плане развития науки и ее взаимодействия со сферой политики постоянная творческая дискуссия между исследовательскими программами со взаимным уважением, формулированием рабочего варианта метаязыка и т. п.

Заметим, что научной литературы становится все больше, а времени на ее освоение — все меньше по сравнению с необходимым для решения прикладных задач. Здесь могли бы помочь научные журналы, хотя и им непросто — они способны лишь обеспечить адекватное рецензирование и цитирование статей и не могут «потребовать» проводить дискуссии (но в состоянии их инициировать).

Новые мысли важнее правильных ответов на старые вопросы (что ограничивает развитие науки и ее преподавание)

Признание сложности глобальных проблем и ускорение перемен в мире могут вызывать разную реакцию элит и общества, но выбор в целом невелик. Остановить развитие нереально; зафиксировать стандарт и всех привести к единому знаменателю вряд ли удастся, хотя есть желающие попробовать. Остается меняться вместе с миром, желательнее к лучшему, — тут многое зависит от науки и университетов. Последний вариант, пожалуй, может соответствовать пяти характеристикам «Деканата». Сразу скажем, что он предполагает критическое мышление, активный диалог профессоров и студентов. Правда, усиление бюрократического начала в образовании, детализация мониторинга и отчетности, использование диджитализации и ИИ — это, скорее, попытка добиться единообразия и «всеобщей правильности» в сдаче основных предметов, а не создать инновации.

Приведем пример из недавней беседы с «просвещенным аспирантом». Она аспирантка с энтузиазмом (доклад на семинаре) открыла нам глаза на новые (уже обсуждаемые) возможности ИИ по быстрому контролю правильности ответов больших групп студентов (скажем, 50 человек) при изучении некоей «статьи». ИИ может сразу проверить «правильность ее понимания» всеми студентами, экономя дорогое время профессора. В этой истории четыре ошибки (как у Екатерины Второй в слове «еще» — она говорила «исчо»). Во-первых, неясно, что такое «правильность», например, в понимании теоремы Коуза или в логике макропрогноза МВФ. Во-вторых, где найти компетент-

ного профессора, который возьмется, точнее, решится дать «правильные» положения по большому объему учебного материала? Кстати, есть угроза, что ИИ сможет использовать такие извлечения из мозга профессоров, чтобы сконструировать правдоподобную (но опасную) квазисреду. В-третьих, 15-минутное обсуждение с несколькими разумными выступлениями студентов будет больше способствовать развитию всей группы, чем 50 заученных ответов в стиле «ЕГЭ в аспирантуре». Наконец, в-четвертых, суть подготовки ученых состоит именно в возможности ставить теоремы под сомнение, спорить со студентами и профессорами. Нельзя потерять эту основу российского образования. Накопление программами ИИ содержательного материала уже привело к появлению правдоподобных имитаций студенческих курсовых работ, теперь ждем диссертаций. Но применение больших данных в общественных науках обеспечивает лишь иллюзию быстрой оценки ситуации, поскольку они не могут заменить человека при формулировании гипотез о смене связей и закономерностей.

Отметим ряд проблем в сферах образования и науки. Первая — ограниченность финансовых ресурсов на научные исследования в экономике. Прежде всего это жесткие бюджетные ограничения, в силу которых непросто обосновать необходимость выделить средства на продолжающиеся исследования даже в естественных науках. Требование немедленной конкретной пользы от экономических исследований имеет смысл в рамках частного проекта, но не при поиске подходов к решению глобальных проблем, анализе мирового опыта, расчете эффектов и издержек тех или иных мер, при оценке регулирующего воздействия, его отдаленных итогов и побочных эффектов.

Вторая проблема — бюрократизация научного процесса и сокращение сроков реализации проектов с увеличением стартовых обоснований, ужесточением мониторинга отчетности и проч. Напомним, что ресурсы, естественно, находятся в руках администраторов Мертона. Их становится все больше, инструменты контроля над исследователями и преподавателями усложняются. В прикладных проектах равновесие между администраторами и экспертами поддерживается эффектом «одной лодки»: одни должны «выдать» результат, а другие — отчитаться перед конечными донорами и контролерами.

Исследователи и преподаватели часто раздражают своими жалобами и методами работы. «Эффективные менеджеры» хвалят их за незлобивость и посмеиваются над непрактичностью и альтруизмом. Но отечественная наука держится на них, и ущемление их времени, ограничение свободы творчества означают потерю ее эффективности, особенно в будущем. «Однорукие» экономисты — мечта политиков — обычно бестрепетные эксперты. Исследователи всегда будут думать сложнее, так что надо решить, кого готовить в университетах — с каким числом «рук».

Тенденция заменить те или иные функции профессуры ИИ будет только нарастать. Этот процесс обосновывают удобством всеобщего контроля и дешевизной мониторинга. Российское образование и наука всегда опирались на стимулирование критического мышления, быстрое развитие и продвижение студентов с помощью сильных профессоров.

Сопротивляться внедрению ИИ сложно: оно будет проходить, как обычно, под лозунгами прогресса и эффективности в кооперации администраторов и изготовителей программ. Перефразируем высказывание легендарного воителя древности про Александрийскую библиотеку: если профессор знает то же самое, что ИИ, то он не нужен; а если иное, то он вреден. Хорошо бы продумать систему определения полезности ИИ самими исследователями и преподавателями до того, как им начнут объяснять его превосходство. В конечном счете на ИИ можно сэкономить студенческое время, освободив его для работы или личной жизни, но станет ли при этом студент исследователем?

Одна из объективных трудностей администраторов (в связи с отсутствием собственного погружения в процесс) — отбор перспективных направлений исследований и нужных специалистов. В истории науки были гениальные менеджеры с чутьем на открытие или на «молодого гения». Но часто после великих ученых к руководству приходили их административные замы, и все на этом заканчивалось... Такой отбор должны осуществлять исследователи и преподаватели, иначе просто усложнятся формы контроля и увеличится число администраторов с ИИ.

Третья проблема — незаметная и радикальная «наукометрическая административная революция». Польза от наукометрии большая и бесспорная для всех ученых. Правда, несколько неожиданно для исследователей многие статистики науки уверовали, что они знают, как определить хорошего ученого или журнал. Они оказались очень востребованными среди администраторов, управляющих научными учреждениями и университетами, поскольку могут предложить способ сэкономить бюджет на формальных основаниях, с которыми исследователи и преподаватели не могут поспорить. В частности, статистики всегда могут сравнить все со всем, не вникая в содержание и уровень научных работ. Это освобождает их от ответственности за конечный результат — новые идеи и новые таланты.

Финансовые ограничения и стимулирование публикаций вне страны дали любопытный эффект в ранжировании ученых социально-экономического профиля. Большинство преподавателей, зарабатывая средства для удержания (в науке) студентов и молодых ученых, обычно не имеют времени на публичную деятельность. Они, конечно, выступают на конференциях, но редко в СМИ, в отличие от «свободных художников» и «огорченных пенсионеров». Другие компенсируют нехватку напряженной жизни модным блогерством. Всегда востребованы бизнес-аналитики: курс акций, цена бочки нефти, ставки процента, курс доллара.

Ученые, вынужденные под давлением современных требований публиковаться за рубежом, редко имеют «сенсационный» материал. Чтобы занять высокие позиции в рейтингах по опросам (неясно, какого контингента), нужно либо очень долго присутствовать на сцене перед глазами многих поколений, либо часто мелькать на ТВ сейчас. Получается некая сегрегация: одни учат и исследуют по Мертону, другие администрируют и консультируют нон-стоп и везде выступают. Наукометрия в ее бюрократической ипостаси породила и тип «побе-

дившего неудачника»: научные работы с помощью статистики опросов, популярности («лайков») оцениваются персонажами с минимумом (иногда без) содержательных личных научных достижений. В интересах прогресса науки нужно вернуться к ее фундаментальным истокам — это научный процесс, контент, инновация и новый результат.

Несколько лет назад мы попытались намекнуть, что вклад российских экономистов в мировую науку не слишком велик, а в решение российских проблем недостаточен (Григорьев, 2017). И ждать от мировых журналов массы публикаций российских авторов о российских проблемах наивно (особенно теперь). Поэтому стоит стимулировать «домашние» исследования мировой и нашей экономики — работать над российскими проблемами и не пытаться чуть ли не все результаты публиковать за рубежом. Иначе получается, что молодежь искусственно ориентируют на прагматическую публикабельность вовне, а не на глубину анализа и актуальность темы для развития страны.

В заключение в порядке эсхатологического упражнения можем в шутку описать конец мировой науки. Ранжирование работ все больше пойдет по формальным признакам («по лайкам»). Это может произойти довольно скоро, и тогда наукометрия с помощью искусственного интеллекта (надо полагать) изменит суть Нобелевских комитетов...

Список литературы / References

- Автономов В. С. (2024). Судьба «больших теорий» в экономической науке // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 96–105. [Avtonomov V. S. (2024). The fate of “grand theories” in economic science. *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki*, No. 1, pp. 96–105. (In Russian).] https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105
- Аузан А. А., Мальцев А. А., Курдин А. А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего // Вопросы экономики. № 10. С. 5–26. [Auzan A. A., Maltsev A. A., Kurdin A. A. (2023). Russian economic education: Image of the near future. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 5–26. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26>
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. (2023). Экономическое образование: качественное обновление необходимо и возможно // Вопросы экономики. № 11. С. 141–160. [Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2023). Economic education: A qualitative renewal is necessary and possible. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 141–160. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-141-160>
- Григорьев Л. (2017). Два дискурса в российской экономической науке // Вопросы экономики. № 9. С. 135–158. [Grigoryev L. (2017). Two discourses in Russian economic science. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 135–158. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-9-135-158>
- Григорьев Л. М. (2023). Печальное состояние мировой экономической науки // Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 125. М.: Никитский клуб. [Grigoryev L. M. (2023). The sad state of world economic science. *Series of public discussions “Russia in a global context”*, Iss. 125. Moscow: Nikitskiy Klub, No. 125.
- Григорьев Л. М., Жаронкина Д. В. (2024). Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития // Вестник международных организаций. Т. 19, № 1. [Grigoryev L. M., Zharonkina D. V. (2024). Thirty years of “surpassing” development. *International Organisations Research Journal*, Vol. 19, No. 1.] <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-08>

- Григорьев Л. М., Жаронкина Д. В., Майхрович Я.-М. Я., Хейфец Е. А. (2024). Механизм смены режимов мировой инфляции: 2012–2023 гг. // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. Т. 59, № 1. С. 72–95. [Grigoryev L. M., Zharonkina D. V., Maykhrovich Y.-M. Y., Heifetz E. A. (2024). Mechanism of regime changes of global inflation in 2012–2023. *Moscow University Economics Bulletin*, Vol. 59, No. 1, pp. 72–95. (In Russian).] <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-4>
- Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. (2022a). Международное неравенство: динамика и проблема стадии развития // Мировая экономика в период больших потрясений / Под ред. Л. М. Григорьева, А. А. Курдина, И. А. Макарова. М.: ИНФРА-М. С. 13–39. [Grigoryev L. M., Pavlyushina V. A. (2022a). Inter-country inequality as a dynamic process and the problem of post-industrial development. In: L. M. Grigoryev, A. A. Kurdin, I. A. Makarov (eds.). *World economy in the era of turbulence*. Moscow: INFRA-M, pp. 13–39. (In Russian).]
- Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. (2022b). Социальное неравенство в современном мире // Л. М. Григорьев, А. А. Курдин, И. А. Макаров (ред.). Мировая экономика в период больших потрясений. М.: ИНФРА-М. С. 358–385. [Grigoryev L. M., Pavlyushina V. A. (2022b). Social inequality in the modern world. In: L. M. Grigoryev, A. A. Kurdin, I. A. Makarov (eds.). *World economy in the era of turbulence*. Moscow: INFRA-M, pp. 358–385. (In Russian).]
- Мертон Р. (2006). Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель. [Merton R. (2006). *Social theory and social structure*. Moscow: Khranitel. (In Russian).]
- Павлова Н. С., Шаститко А. Е. (2024). Микрооснования доминирования фундаментализма в экономической политике: есть ли антидот? // Вопросы экономики. № 1. С. 94–114. [Pavlova N. S., Shastitko A. E. (2024). Microfoundations of dominance of fundamentalism in economic policy: Is there an antidote? *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 94–114. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-94-114>
- Родрик Д. (2014). Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М.: Изд. Института Гайдара. [Rodrick D. (2014). *The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Спенс М. (2013). Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд. Института Гайдара. [Spens M. (2013). *The next convergence: The future of economic growth in a multispeed world*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Шаститко А. Е. (2020). Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы») // Вопросы экономики. № 1. С. 145–156. [Shastitko A. E. (2020). Between the Scylla of despotism and the Charibdis of social norms (On the book by D. Acemoglu and J. Robinson “Narrow corridor: States, societies and the fate of freedom”). *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 145–156. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-145-156>
- Шаститко А. Е. (2024). Экономическое образование как зеркало внутридисциплинарного дискурса // Вопросы экономики. № 1. С. 137–153. [Shastitko A. E. (2024). Economic education as a mirror of interdisciplinary discourse. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 137–153. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-1-17>
- Шаститко А. Е., Павлова Н. С. (2022). Коузианство против пигувианства: идеи, ценности, перспективы // Вопросы экономики. № 1. С. 23–46. [Shastitko A. E., Pavlova N. S. (2022). Pigouvian vs. Coasian approach: Ideas, values, perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 23–46. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-23-46>
- Bobylev S., Grigoryev L. (2020). In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS. *BRICS Journal of Economics*, No. 2, pp. 4–24. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-7>

- Easterly W. R. (2001). *The elusive quest for the growth: Economists' adventures and misadventures in the tropics*. Cambridge: MIT Press.
- Easterly W. (2023). *The rise and non-fall of neoliberalism*. Paper presented at Taipei School of Economics Foundation conference on Political Economy, Global Order and World Development, Taipei.
- Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *American Economic Review*, Vol. 45, No. 1, pp. 1–28.
- Makarov I., Alataş S. (2024). Production- and consumption-based emissions in carbon exporters and importers: A large panel data analysis for the EKC hypothesis. *Applied Energy*, Vol. 363, article 123063. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2024.123063>
- Piketty T. (2014). *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, MA., London, England: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Solow R. M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70, No. 1, pp. 65–94. <https://doi.org/10.2307/1884513>
-

Talents and their professors: What and how to teach?

Leonid M. Grigoryev

Author affiliation: HSE University (Moscow, Russia). Email: lgrigor1@yandex.ru

The discussion of the problems of economic education in *Voprosy Ekonomiki* is encompassing a large variety of problems. The world economy goes through dramatic changes that implies the necessity for checking up stylized facts and the capacity of existing theorems. Unresolved national problems give a stimulus for returning to industrial policy methods. Global problems require the concentration of resources and better coordination of their utilization. The participants of the discussion on the issues of economic education give us the deep insight into the current state of affairs in this field. They suggest competing programs of its improvement, which would need substantial efforts. The distinct difference between researchers and administrators will be important for determining the direction of spending and criteria of success in research and teaching activities.

Keywords: stylized facts, economic education, neoclassical economics, new institutional economic theory, heterodoxy, artificial intellect.

JEL: A14, B25, D63, F02, I2.